

К 100-летию Великой русской революции

Евгений ЛУКИН

ТРИ БОГАТЫРЯ — ТРИ БРАТА, ТРИ ВРАГА

Опыт русского национального самосознания

I

Старинные былины о подвигах трех богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича являются предметом особенной национальной гордости. Воспетая в них выдающаяся победа над чудовищем, олицетворяющим собою мировое зло, представляет сердцевину русского героического эпоса. Ни предания о волшебных превращениях Волха Всеславьевича, ни песни о любовных похождениях Соловья Будимировича не содержат такого глубокого и проникновенного понимания природы русского духа, как эти былины. Со временем русская патристическая мысль канонизирует ратную троицу, и величественное полотно Виктора Васнецова «Три богатыря», созданное в 1898 году, становится венцом этого всенародного признания.

Каждый из трех богатырей сосредотачивает в себе определенные черты русского характера. Илья Муромец олицетворяет житейскую мудрость, справедливость и силу. Добрыня Никитич славится подлинной добротой, надежностью и честью. Алеша Попович знаменит смелостью, находчивостью и весельем. Эти свойства позволяют богатырям стать всеобщими любимцами, истинными защитниками Русской земли. Такова общепринятая легенда о трех русских витязях, совместно действующих в пространстве и времени.

Евгений Валентинович Лукин — поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет ЛГПИ имени Герцена. Работал учителем, журналистом, проходил военную службу. Автор двух десятков книг, в том числе сборников стихотворений «Пирь», «Sol Oriens», «Lustgarten, сиречь вертоград царский» и других. Автор либретто «Радонежской оратории». Переводчик цикла древнерусских эпических песен «Слово о полку Игореве», «Слово о гибели Русской земли» и Задонщина». К столетию Первой мировой войны издал мемориальную антологию «Книга павших», куда вошли его переводы стихотворений тридцати павших в сражениях поэтов-фронтовиков из двенадцати стран мира. Перевел и опубликовал две книги стихотворений выдающихся английских поэтов XX века Уилфреда Оуэна и Исаака Розенберга. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Гоголя за роман «По небу полуночи ангел летел» и премии журнала «Нева» за повесть «Танки на Москву». Живет в Санкт-Петербурге.

Позднее этот образ богатырского единения был соотнесен с тремя братскими народами: русскими, украинцами и белорусами, обретшими после Великой русской революции 1917 года определенную государственность, а после 1991 года — окончательный суверенитет. Известная певица Жанна Бичевская в песне «Мы — русские» придала этому состоянию чеканную формулу: «Россия, Украина, Белоруссия — племен славянских три богатыря». Между тем дальнейшее мирное соразвитие этих народов было приостановлено и нарушено. Провозглашенная идеологема «Украина — это не Россия» в конце концов привела к стычке между вчерашними братьями. Кровапролитие не могло не вызвать беспокойства у третьего брата, который сегодня то демонстративно поглядывает в сторону, то стремится хитростью-премудростью извлечь выгоду из создавшегося положения. Неужели эти противоречия имеют стародавние истоки и между тремя богатырями невозможно какое-либо примирение и согласие?

На самом деле внимательный взгляд на древние эпические песни не обнаруживает какой-либо безмятежной картины. Напротив, былины преисполняются внутренней противоречивостью, неустойчивостью, драматизмом. Нет и в помине уверенности, что правда восторжествует, что добро одержит верх, что победителя ждет достойная награда. Герой борется с ненавистным врагом в одиночку, на поединке, и только чувство товарищеского плеча, чувство побратимства иногда помогает герою одолеть противника.

Мало того, между богатырями не наблюдается того кровного, того духовного единства, какое представляет общепринятая легенда. Илья Муромец рубится с Добрыней Никитичем, Добрыня Никитич — с Алешей Поповичем, и каждый из витязей сражается за свою великую идею, за свою великую правду.

II

Илья Муромец справедливо считается центральной фигурой русского эпоса. Он — старший среди трех богатырей и наделен не только неслыханной силою, но и недюжинным умом. Он и вступает на ратную стезю, точнее, появляется в нашем героическом пространстве куда позднее, нежели его юные соратники. До этого он тридцать лет лежит на печи, поскольку не имеет «ни рук, ни ног». В соответствии с тотемным началом, упомянутая «безногость» есть верное указание на «змеиное», то есть чужестранное происхождение. Это значит, что Илья Муромец не является природным славянином и ведет свою родословную от варягов — скандинавских викингов. Среди героев русского эпоса, по крайней мере, три персонажа соотносятся с реальными историческими личностями, имеющими подобное происхождение. Первый персонаж — былинный богатырь Волх Всеславьевич, отцом которого называется Лютый Змей — соотносится с основателем древнерусского государства норвежским королевичем Вещим Олегом. Второй персонаж — киевский князь Владимир Красное Солнышко — принадлежит к варяжской династии Рюриковичей, происходящей, согласно черногорским преданиям, от змеи. И, наконец, третий персонаж — дорогой гость Соловей Будимирович, прототипом которого становится норвежский королевич Харальд Хардрада, приплывший в Киев свататься к дочери Ярослава Мудрого на своем «змеином» корабле:

У тово было сокола у корабля
Вместо гривы прибывано
Две лисицы бурнастыя;

Вместо хвоста повешено
 На том было соколе-корабле
 Два медведя белья заморския.
 Нос, корма — по-туриному,
 Бока взведены по-звериному.

(«Соловей Будимирович»)

Наличие боевого корабля, или шнеккера, является неременным атрибутом знатных варягов. Этот корабль украшался бронзовыми фигурами туров, львов и кентавров, а на штевне устанавливалась пестроцветная драконья голова, яростно извергавшая огонь из ноздрей, отчего зачастую корабль получал прозвище Змея или Дракона. Для варягов он был таким же живым существом, таким же боевым товарищем, что и верный конь. В Младшей Эдде приводятся красивые метафоры шнеккера: «Зовут его конем или зверем», «конем корабельных сараев» или «скакуном тропы чайки». В своих висах скальды обязательно упоминают и гриву, и хвост, и «змеиные бока», создавая удивительный синкретический образ то ли корабля, то ли коня, то ли дракона:

Дева, глянь, вот стройный
 Челн на волны спущен.
 Бьет струя в одетый
 Сталью борт драконий.
 Горит жаром грива
 Над грузе́ным лоном
 Змея, и злаченый
 Хвост блестит на солнце.

Русская эпическая песнь воспроизводит описания варяжского корабля, следуя правилам скальдической поэзии, а эпический герой Илья Муромец становится единственным из трех богатырей, кто владеет шнеккером, который в былинае «Илья Муромец с Добрыней на соколе-корабле» описывается по известному чужеземному образцу: «Нос, корма — по-звериному, а бока взведены по-змеиному». Помимо прочего, былина сообщает еще одну подробность, которая позволяет иначе взглянуть на корабельщиков:

Да еще было на Соколе на корабле
 Три люди незнаемые,
 Незнаемые, незнакомые,
 Промежду собою языка не ведали:
 Хозяин был Илья Муромец,
 Илья Муромец, сын Иванов,
 Его верный слуга — Добрынюшка,
 Добрынюшка Никитин сын,
 Пятьсот гребцов, удалых молодцов.

Сказитель подмечает, что «промежду собою языка не ведали» именно русский богатырь Илья Муромец и славянский богатырь Добрыня Никитич. Древние летописи повествуют о разноплеменном составе княжеской дружины, куда набирают варягосов и славян: кривичей, древлян, радимичей, полян, вятичей, северян. Эта

дружина говорит преимущественно на двух языках — славянском и русском. На такое двуязычие указывает в трактате «Об управлении империей» и византийский император Константин VII Багрянородный, перечисляя названия днепровских порогов «по-росски и по-славянски». Причем «росские» слова всецело соответствуют древнескандинавским.

Взаимоотношения в разноплеменной дружине представляются отнюдь не безоблачными. Между русскими (скандинавскими) и славянскими воинами время от времени случаются перебранки. Поводом служит несоразмерное распределение обязанностей или добычи. Вещий Олег, к примеру, приказывает шить «для руси паруса из паволок, а славянам копринные», что вызывает глухой ропот. Однако военная угроза и опасность быстро понуждают к сближению и побратимству.

Побратимство представляется явлением, обязательным для княжеской дружины, поскольку братская помощь во время боевого похода крайне необходима — на случай ранения и прочих тяжелых обстоятельств. Скандинавские саги изобилуют примерами, когда в дружеских объятиях зачастую сходятся вчерашние недруги. Русский героический эпос не становится исключением: схватка между Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем, как известно, заканчивается братанием. Кстати, не становится исключением и современная американская массовая культура, которая, обращаясь к архетипу, постоянно воспроизводит некоторые мифологические сюжеты, в частности, эпизод о стычке и последующем братании двух героев, отправляющихся вместе в опасный путь.

Главный подвиг, который совершает на своем пути Илья Муромец, есть низвержение Идолища. Это чудовище, за которым стоит некая неведомая сила, захватывает столичный город Киев, запрещает помянуть имя Бога и просить милостыню, занимает княжеский двор и заставляет князя Владимира Красное Солнышко подавать ему яства — приносить жертвы. Переодетый каликой, Илья Муромец является перед Идолищем, одним ударом шелапуги поражает чудовище и вышвыривает его со двора. Этот былинный сюжет соответствует историческим реалиям, связанным с крещением Руси, когда идол Перуна, установленный на теремном дворе в Киеве, избивается палками и низвергается в реку Почайну. Таким образом, главный подвиг Ильи Муромца есть подвиг религиозный, есть подвиг во имя утверждения православной веры на Русской земле. Совершить подобное деяние под силу лишь тому, кто обладает необходимой духовной мощью.

Преображение Ильи Муромца в святорусского богатыря, которому «смерть в бою не писана», осуществляется тщанием переходящих калик — христианских паломников, странствующих по святым местам. Это они обнаруживают «убогое чадушко» на печи и поят чудесной водой, которая навсегда исцеляет нашего героя. Пройдя своеобразный обряд крещения, Илья Муромец исполняется огромной чудотворной силой и направляется прямоезжей дорогой в Киев — «выручать Русию от поганых». По пути он одерживает свою первую победу над Соловьем-разбойником, от неслыханного свиста которого осыпаются лазоревые цветы, приклоняются к земле деревья, а люди «все мертвы лежат». Иначе говоря, перед святорусским богатырем предстает местный славянский волхв или вещий боян, соловьиные песни которого способны магически воздействовать на природу и людей (орфические признаки). Жестокая, беспощадная расправа над песенником, несмотря на слезные мольбы жены и детей, предвещает главное торжество — победу над Идолищем, который олицетворяет волшебную языческую силу как таковую. Все последующие богатырские деяния Ильи Муромца также носят религиозный характер. Его битва с могучим «нахвалящиком» на заставе в Цицарских степях является частным эпизодом длительного военно-религиозного противостояния молодой Руси и Хазарии.

На той богатырской заставе Илья Муромец является старшим среди дружинников. Это старшинство лишний раз свидетельствует о его варяжском происхождении, поскольку древнерусские дружины возглавляются, как правило, варягами. Характерным для пришельцев становится также наличие патронима и второго прозвища, ибо славяне не знали подобной традиции, обходясь одним именем. Второе прозвище Ильи — Муромец — указывает, что богатырь происходит из земли Муромской или Мурманской (Урманской, то есть Норманнской). Урманским княжичем называется в летописях норвежский королевич Вещий Олег. Причем слова мурманский и русский являются синонимами: в древнегерманской поэме об Ортните наш эпический герой упоминается под именем Ильи Русского.

Примечательно, что другие богатыри также имеют устойчивый патроним: Добрыня всегда Никитич, Алеша всегда Попович. Это говорит о том, что скандинавская традиция патронимизации к тому времени уже утвердилась на Руси, а во-вторых, оба героя происходят из знатных семей, потому что право на отчество вплоть до XX века в России имела только знать.

Действительно, в былине называется имя матери Добрыни Никитича — Амельфа, которое является славянизированным вариантом германского имени Amalfrid, принадлежащего к родовому именованию династии Рюрика. Это не значит, что Добрыня Никитич — Рюрикович. Былина лишь подчеркивает знатность этого славянского князя, подобно тому, как киевский князь именуется каганом для должествующего уравнения с хазарским правителем.

Прототипом былинного богатыря считается Добрыня — брат ключницы Малуши, матери Владимира Красное Солнышко. Этот киевский воевода, выполняя волю властвующего племянника, сокрушает в Новгороде идол Перуна и «крестит огнем» новгородцев, то есть свершает тот же религиозный подвиг, что и Илья Муромец. Однако сказитель prepares былинному Добрыне иную участь: он становится змеборцем.

Удивительно, но Добрыня Никитич прославляется как эпический герой двенадцати лет от роду. Это случается на берегу той самой реки Почайны, где некогда сотворялось святое крещение киевского люда. На обнаженного нимфета, выходящего из священных струй Почайны, нападает Змей Горыныч и намеревается изнасиловать: «Я хочу тебя силком сглотать, хочу тебя да в хобота склонять» («Добрыня и Змей»). Тот успешно сопротивляется такому «склонению в хобота», кидаясь греческой шапкой, наполненной хрущатым песком. Впоследствии этот необычный способ борьбы назовут «шапкозакидательством». Победив Змея Горыныча, юноша направляется к пещерам и освобождает красную девицу, плененную Змеем. Вот, собственно, и весь сказ.

Есть другой, усложненный вариант былины, где в промежутке между схватками противники побратимствуют, договариваясь «не делать бою-драки-кроволития промеж собой». Однако Змей Горыныч нарушает данные «великие записи», что подтверждает еще раз его коварство, свойственное любому завоевателю, использующему хитрость-премудрость для достижения конечной цели. Быть может, здесь сокрыта давняя причина той непреходящей подозрительности ко всему чужестранному, западному, которая наличествует в современном русском сознании и порой приобретает уродливые формы ксенофобии.

Великая брань со Змеем Горынычем — центральный эпизод героического эпоса, свидетельствующий о зарождении русского национального самосознания. Ведь Змей Горыныч — это синкретический образ иноземного витязя, сильного мужественного варяга. Он обладает богатырским телосложением, одет в богатое цветное платье и вооружен острым копьём. У него на плечах огненные крылья или алый

воинский плащ — неперменный атрибут скандинавского викинга. Он прибывает в Киев, сопровождаемый двумя волками и двумя воронами — этими вечными спутниками древнескандинавского верховного аса Одина:

Впереди-то бежат да два серых волка,
Два серых-то волка да два как выжлока,
Позади-то летят да два черных ворона.

(«Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина»)

Змей Горыныч приходится родичем Владимиру Красное Солнышко, потому на княжеском пиру располагается между князем и княгиней согласно скандинавским (а не славянским) обычаям. Потому также и богатырь Илья Муромец, будучи сам «змеиною» происхождения, никогда не сражается с ним. Вместе с тем Змей Горыныч выделяется среди своих киевских сородичей, поскольку ведет себя не как защитник Русской земли, а как завоеватель. Он без разбору похищает местных красавиц, которых утаивает в варяжских пещерах. Наконец, он пытается изнасиловать юного Добрыню Никитича.

Закон беспощадного морального уничтожения врага действует как в мифические времена, так и во времена профанные. Физическое надругательство над побежденным имеет глубокий мистический смысл. Оно знаменует окончательное торжество победителя, после которого обесчещенный враг уже никогда не сможет встать против него, ибо утрачивает моральное право быть мужчиной, быть воином. Поверженный на веки вечные лишается какой-либо поддержки со стороны своих товарищей: он нравственно уничтожен, а значит, уничтожен полностью.

Так поступают с побежденными герои германского эпоса и скандинавских саг. В Старшей Эдде рассказывается, как богатырь Синфьетли перед смертельной схваткой оскорбляет своего недруга, сравнивая того с кобылой: «Я на тебе, усталом и тощем, немало скакал по горным склонам». Аналогичным образом ведут себя и реальные исторические персонажи. Датский конунг Харальд Синезубый, публично обвиненный исландцами в содомском грехе, немедленно снаряжает военную экспедицию к далекому острову. А Тормод Скальд Черных Бровей хвастается, что выжиг пожизненное «непристойное тавро» на задах покоренных гренландцев.

Впрочем, так поступали в недавнем прошлом и американские оккупанты в Ираке (сексуальное насилие в иракской тюрьме Абу-Грейб), пытаясь морально подавить поверженного врага. Обращение к архетипу, столь популярное в американской массовой культуре, приносит свои плоды. Однако подобное обращение отнюдь не безопасно: в недавние времена этим широко пользовались вожди Третьего рейха, возрождая культ германских мифологических героев.

Добрыня Никитич ясно осознает, что физическое надругательство обратит его в некое женоподобное существо, подлежащее общему осмеянию и презрению, и навсегда лишит возможности стать настоящим витязем и предводителем. Он вступает в бой не только за свою честь, но и честь своего славянского рода, осознавшего собственное достоинство и собственную правду. Его победа над иноземным врагом, воином и насильником, есть победа национальная, есть победа во имя грядущей независимости Русской земли.

Соратником Добрыни Никитича на поприсе змееборчества предстает другой былинный богатырь Алеша Попович. Причины, по которым он мстит Змею Горынычу как завоевателю родной Матери-Земли, скорее всего, сокрыты в его волшебном происхождении. По существу, основной текст былин о стычке Алеши По-

повича со Змеем сводится к скomorошескому воспроизведению классического скандинавского нида — своеобразного поношения врага. Былинный сюжет таков. Змей Горыныч является на пир к Владимиру Красное Солнышко и горделиво усаживается (по скандинавскому обычаю) между хозяином и его супругой. Такое поведение представляется славянину Алеше Поповичу невежливым, и наш герой преднамеренно оскорбляет заморского гостя:

Как что это к нам за невежа пришел?..
У моего батюшки у родимого
Кобыла была она обжорлива,
Она сено ела и на жопу села!

(«Змей Тугарин и княгиня Омельфа»)

Ни много ни мало славянский богатырь сравнивает Змея с кобылой. По древним законам скандинавского Гулатинга мужчина, которого сравнили с самкой любого вида животного, таким образом обвинялся в пассивном мужеложстве. Змей попадает в безвыходное положение: либо он не замечает хулы и тем самым признает ее справедливой, либо принимает вызов. Змей предпочитает не обострять ситуацию и спрашивает Владимира Красное Солнышко: «Что у тебя, князь, за пещным столбом? Что за сверчок пищит?» Ему отвечают: это, мол, малые ребятишки ссорятся — «сами бабки делят». Пир продолжается, но Алеша Попович не унимается и обзывает гостя «коровой». Змей темнеет, как осенняя ночь, и швыряет в него булатный ножик: вызов на поединок принят.

Как известно, в ходе поединка Змей Горыныч погибает, защищая свою честь, свое достоинство до конца. Его смерть представляется символичной: вместе со Змеем исчезает какая-либо возможность установления иных законов бытия — правил рыцарства, правил равностояния «я» и других. Победа Алеши Поповича означает торжество родового начала над личностным, коллективного над индивидуальным. Должно сказать, что ее следствие ощущается и поныне как отсутствие уважения к личности.

Отрубив поверженному Змею голову, Алеша Попович не случайно бросает ее на теремный двор Владимира Красное Солнышко. Этим поступком он предлагает киевскому князю окончательно определиться, на чьей стороне верховная власть — иноземных варягов или своих могучих богатырей.

Эпическая песнь сохраняет для нас несколько отчеств Алеши Поповича. Он называется сыном то попа Левонтия, то епископа Феодора. Как бы то ни было, «поповское» отчество означает духовное происхождение былинного героя, который, возмужав, выбирает ратное поприще: «Я, — говорит, — пойду воевать». Между тем сказитель называет еще одно отчество змееборца:

Ах ты гой еси, чадо милое,
Чадо милое порожденное,
Порожденное, однокровное,
Свет Алешенька Чудородович!

(«Про Алешу Поповича»)

Ни в ростовских, ни в рязанских, ни в каких других землях попа или епископа с именем Чудород нет и быть не может, потому что чудород означает чу-

додей, кудесник, волхв. Как представляется, именно Чудород есть исконное имя отца нашего богатыря, и только последующая христианизация примеряет к Алеше иные, созвучные по духу или букве отчества. Былина содержит красноречивые доказательства того, что Алеша Чудородович — сын волхва, быть может, того самого Соловья, который был объявлен разбойником по религиозным основаниям. Этот славянский богатырь никогда не побеждает своего врага силою, но всегда хитростью-премудростью. Чтобы притупить бдительность Змея Горыныча и нанести смертельный удар, он то нацепляет на ноги «поршни кабан-зверя» (символика Перуна), то обманом заставляет супостата оглянуться назад, то неожиданно выскакивает из-под лошадиной гривы. Накануне поединка он обращается к небесной силе, заклиная собраться грозовой туче и пролиться дождю. Но главное, что подтверждает духовное происхождение Алеши и отличает от других богатырей, является его речь, обращенная к тому или иному объекту повествования. Алеша Чудородович предпочитает действовать не мечом, а магическим словом, каковое, избочивая и развенчивая, говорит правду. И Змея Горыныча наш герой первоначально побеждает на словесном поединке.

Такова дружина киевского князя, составленная из трех разных сил, действующих в пространстве и времени. Илья Муромец олицетворяет сильную варяжскую власть, обращенную не только на защиту Русской земли, но прежде всего на утверждение новой, православной веры. Его антиподом является Алеша Попович, представляющий славянскую языческую мощь, которая имеет колоссальное влияние в силу своего автохтонного происхождения. Промежуточное положение занимает славянский богатырь Добрыня Никитич, поддерживающий как религиозные новации варягосусов, так и народное сопротивление новым пришельцам, не желающим считаться с реальным положением вещей. С такой дружиной у Владимира Красное Солнышко есть только один выбор. Либо он покидает землю, покоренную его предками, и всю жизнь скитается по морям-окиянам в поисках богатства и славы. Либо создает сильное независимое государство, объединенное общими религиозными ценностями.

III

Древнюю Русь порой именуют Скандовизантией. Действительно, сочетание скандинавского и византийского начал придает древней славянской истории своеобразие и неповторимость. Она даже получает название русской, хотя этот эпитет имеет скорее религиозную, чем национальную окраску. Главную примиряющую роль здесь играет выбор веры, осуществленный Владимиром Красное Солнышко — равноапостольным князем Владимиром Святым. Тем не менее, по мысли протоиерея Александра Шмемана, русское православие «долго было иностранной религией, и даже вдвойне иностранной: греческой и княжеской — то есть находившей себе опору в варяжской дружине, составлявшей государственное ядро Руси».

Основа русской цивилизации, которую составляют вера и язык, изначально является противоречивой, двойственной. Русское религиозное сознание и поныне сохраняет двоеверие, как русский язык сохраняет «сквернословие» (ненормативную лексику), несмотря на многовековой церковный запрет этого сакрального словаря волхвов. Поэтому единым скрепляющим началом, способным удержать русскую цивилизацию от распада и развивать ее в нужном направлении, становится национальная власть. Не случайно Александр Пушкин называет правительство «единствен-

ным европейцем» в России. Ослабление государственности неминуемо приводит к торжеству природного дионисийства — стихийного языческого начала. В прошлом столетии это случается дважды.

Примечательно, что накануне Великой русской революции 1917 года наблюдается невероятный всплеск русского самосознания. Предчувствие катастрофы устремляет мысль к глубокому и проникновенному пониманию природы русского духа. Именно тогда создается общепринятая легенда о трех богатырях, а их имена пишутся золотыми буквами на бортах боевых кораблей. В конечном счете эта эпоха имеет своим символом конную статую императора Александра III, сотворенную Паоло Трубецким, которая выражает идею русского богатырства — идею могущественности, крепости, надежности. Перед нами предстает не царь, не самодержец, но подлинный Илья Муромец, выехавший в чистое поле потягаться силою за Русь. Этот памятник, воздвигнутый на Знаменской площади в Петербурге, по-скоморошески высмеивается новыми Алешами Поповичами: «На площади комод, на комод — бегемот, на бегемоте — обормот». Позднее низвергнутый со своего пьедестала, он оказывается единственным памятником, куда в годы Отечественной войны попадает немецкий снаряд, но не причиняет ему никакого вреда — такова чудесная сила, заключенная в удивительном монументе.

Сходная жизнестойкость наблюдается и в русской литературной традиции советского периода, где, конечно, уже нет места ни Илье Муромцу, ни Добрыне Никитичу в силу ярко выраженного религиозного и социального признака. Зато ее главным эпическим героем становится Алеша Попович, славящийся своей веселостью и находчивостью, но главное — способностью выжить в самых тяжелых обстоятельствах. В первую очередь этот богатырь встречается на дорогах Великой Отечественной войны под именем Василия Теркина.

«Книга про бойца» — это монументальное эпическое полотно, созданное Александром Твардовским по «горячим следам». Поначалу поэт представляет своего героя фигурой лубочной, но великая народная трагедия переменяет его замысел. Он творит не сказочного богатыря, но подлинного эпического героя, которому смерть в бою не писана — «еще пуля не нашлась». Василий Теркин исповедует непоколебимые нравственные принципы. По его убеждению, нельзя выжить без острой шутки-прибаутки, отвергая сущую правду, какой бы горькой она ни была. В бою не чужд опаски, он никогда не ходит прямоезжей дорогой, как Илья Муромец. «Вы — вперед, а я — в обход», — говорит товарищам Василий Теркин, отправляясь захватывать немецкий блиндаж в одиночку. Опять же в одиночку, на поединке, побеждает он своего врага, используя хитрость-премудрость: ударяет противника незаряженной гранатой.

Но прежде всего сближает нашего героя с Алешей Поповичем единая вера — единый языческий культ Матери-Земли.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Я твою изведаль власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной,
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня! —

воскликает Василий Теркин, указуя на основной источник своей духовной мощи — кровную связь с родной землей. Согласно славянским языческим верованиям, представление о Матери-Земле непосредственно сочетается с представлениями как о роде и Родине, так и земной матери вообще. В поэме Александра Твардовского так и происходит: герой избавляет от ненавистного врага не только свою Мать-Землю, но и освобождает плененную «мать святой извечной силы», которую находит на чужбине — она бредет по дороге с посошком, крест-накрест перевязанная платком. Святая высота войны за родную Мать-Землю, явленную в трех ликах, придает образу Василия Теркина незабываемые эпические черты:

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь крошечный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Таким же русским чудо-человеком представляется и герой повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», воевавший на летописной реке Ловать, а затем очутившийся за колючей проволокой бытия, в лагерной преисподней. Перед нами предстает тот же Алеша Попович, тот же Василий Теркин, только в другой экстремальной ситуации — как бы «на том свете». Наш герой также никогда не ходит прямоезжей дорогой. Он жив той хитростью-премудростью, что заставляет идти в обход: припрятывать хлебную пайку в матрас или тайком добывать толь для обогрева. Он и на воле собирается жить в обход: красить под трафарет ковры, где тройка в красивой упряжи везет некоего богатыря. Причина, по которой Шухов так действует, заключается в том, что «прямую дорогу людям загородили» — загородили новые богоборческие властители, умело использующие противоречия русского религиозного сознания в своих целях. Но прямолинейная сила Ильи Муромца или Добрыни Никитича здесь уже ни к чему: «упрешься — переломишься».

Шухов исповедует те же нравственные принципы, что и Василий Теркин: нельзя выжить, впадая в грех уныния и бесчестия. Поэтому он придерживается строгого правила: никогда «не лизать миски», никогда не унижаться, не коленопреклоняться. И даже о вере своей, древней славянской, он говорит с улыбкой и редким достоинством. Его бог напоминает огненного Перуна («как громыхнет — пойдя не поверь»), который крошит убывающий месяц на звезды.

Василий Теркин и Иван Шухов — центральные образы русской советской литературы, демонстрирующие способность уцелеть в страшной круговерти минувшего столетия. Ни отважный казак Михаила Шолохова, ни мудрый мастер Михаила Булгакова не имеют подобной перспективы — они обречены на смерть. Жизнестой-

кость Теркина и Шухова определяется своеобразными чертами национального характера, что присущи эпическому герою Алеше Поповичу: веселость, находчивость и смелость, нечуждая осторожности. Основу их мирозерцания составляет древняя языческая вера с культами Матери-Земли и Отца — небесного громовержца. И здесь главную роль играет волшебная наука волхвов — та самая хитрость-премудрость выживания, то самое умение оборачиваться и затаиваться до поры до времени.

Общепринятая легенда о трех богатырях появляется накануне той катастрофы 1917 года, которая раскалывает пополам ядро русской цивилизации. По большому счету это Алеша Попович как носитель стародавней народной веры выступает против Ильи Муромца и Добрыни Никитича, олицетворяющими официальную религиозную и светскую власть. И последующее низвержение с пьедестала конной статуи Александра III, и повсеместное разрушение православных святынь, очевидно, объясняются той двойственностью, той противоречивостью, что лежит в основе цивилизации, созданной на славянской земле усилиями варягорузов. Двойной чужеземный гнет запечатлелся в народной памяти на долгую тысячу лет, и ее стихийная реакция потрясла самые основы бытия.

Аналогичная разрушительная картина наблюдается и ныне, после нового торжества стихийного дионисийства — августовской революции 1991 года, которая стала лишь закономерным продолжением трагедии 1917 года. И сегодня вновь пресловутая хитрость-премудрость заставляет братские народы удерживаться от окончательного разрыва и губельного кровопролития. Не обхитрят ли таким образом эти три богатыря — три брата, три врага — самих себя?